

Глава 1. ДЕКОНСТРУКЦИЯ

По первости это меня остервеняло: пришёл в библиотеку спасать книги, а приходится рвать.

Было так. В нефтедобыче стали избавляться от пенсионеров, чтобы молодым дать дорогу: старики и так не пропадут. Я тогда охранял склад на нефтепромысле – вполне стариковская работа. Однако все решения сверху там было принято исполнять с максимальной тупостью. Меня уволили под видом реорганизации, и моя вольная вахтовая жизнь кончилась. Пенсии хватало только на квартирные расходы, сторожам в городе платили оскорбительно мало, а другой работы просто не было. Выручила хорошая знакомая, которая работала библиотекарем: «У нас уволился переплётчик».

А я умел. На вахте, охраняя взрывчатку, освоил это дело по книжке, да и понравилось – почти художественный промысел. И главное: спасать книги для меня то же, что спасать людей. Притом людей, достойных уважения.

В общем, показал директору библиотеки несколько спасённых книг из своей коллекции, и меня сразу оформили.

От уволенного коллеги мне осталась тесная комнатёнка в подвале, самодельное шило, слесарный молоток, заляпанная клеем доска на столе и картонная коробка под столом. В коробке хранилась охапка книжных обложек. Ни пресса, ни струбцинки. Ниже нищеты. Впрочем, нет, не ниже. Была ещё большая швейная игла.

Я спросил: «Чем же этот мастер работал? Всё с собой унёс?». Ответили: «Да нет. Вот этим и работал». И показали книгу, которую он отремонтировал. В блоке были шилом проколоты четыре дырки, в них пропущена прочная капроновая нить, и всё это приклеено к старой обложке от другой книги с помощью цветастой тряпицы и обрезков какого-то рекламного плаката. Я вспомнил шутку старых переплётчиков о слизуре: «Андрюшкина рубашка». Никакие нормы переплётного дела коллега не соблюдал, нитки порвали бумагу, и абонементный отдел вернул ему книгу в почти безнадёжном состоянии. А он – уволился.

Библиотека большая, областная. Так в ней работать нельзя. Я составил для начальства список материалов, которые надо закупить, а инструменты, сказал, у меня свои. И спросил, а где он брал вот эти обложки, что лежат в коробке. Объяснили: время от времени приходится списывать книги – устаревшие технические, зачитанные или не имеющие спроса художественные, а особенно – отменённые политические.

– У нас целые завалы мёртвых книг. В макулатуру их принимают только без картона, бедные женщины отрывают обложки, выворачивают себе пальцы.

Уже через несколько дней увидел, как они рвут, и пошёл знакомиться.

– Помочь?

– Ах, у вас же своей работы невпроворот.

– А я за помощь возьму себе обложки. Это ведь можно?

Понаблюдал, как надо правильно рвать, да и отправил их из холодного душевого подвала наверх, к читателям. Так приобрёл первых друзей. Потом они увидели, как я переплетаю, и дружба укрепилась.

– Прежний переплётчик так не делал. У вас лучше типографского. Даже с канавкой.

Так они называли рубчик.

Это была лесть в награду за помощь. Но и признание всё же. Они все работали за гроши, но не уходили ни в торговлю, ни ещё куда, потому что любили книги. Я не боюсь так говорить: они об этом молчали, но я это видел. И говорить с ними об этом приходилось. И они жалели списанные, разорванные книги: «Хоть бы кому-то отдавать... Но читают сейчас гораздо меньше и совсем не то, что раньше. Дрянь пустую читают». У большинства – институтское образование, они ситуацию понимали: какое общество, такие и читатели.

Итак, по первости это меня остервеняло. Я встречал на обложках знакомые имена, губил целые собрания сочинений, но кое-что спасал для друзей. Это не возбранялось. Нужно было только оторвать от книги титульный лист, на котором библиотечный номер и штамп – для отчёта. Ладно ещё, что 17-ю страницу, где тоже штамп, вырывать не требовалось.

Вообще, работа в библиотеке – для людей честных. Любой из нас может кое-что стащить – из того фонда, что не влез в запертые хранилища и располагается на открытых стеллажах в коридоре подвала. Да и сами закрытые хранилища только так называются. Они открыты весь день, потому что из них и обратно постоянно носят книги. И на выходе нет электронного контроля, как в университетской Научке, главной библиотеке Сибири. Но я же говорю – здесь работают энтузиасты. А энтузиаст, да ещё имеющий совесть, – это в любом деле стоит дорогого. Потому энтузиасту и платят мало – чтоб не испортился.

Через два года моё остервенение прошло. Не оттого, что меньше стали списывать книг. Просто интересных авторов теперь в самом деле выбрасывали меньше. Стали больше передавать литературы в разные мелкие библиотеки, создаваемые при разных организациях. Я не считаю тюрьмы и подобные им учреждения: там курево разрешалось передавать заключённым только россыпью, чтобы исключить наркоту, и бедные зеки рвали книги на самокрутки. Но начали появляться библиотеки в возрождаемых клубах и обществах, а несколько собраний особенно толстых томов попросили рестораны и им подобные забегаловки – не для чтения, а для антуража: «чтением» в это время кабатчики называли общение с бутылкой и закуской, такая уж была мода. И толстые книги с золотым тиснением впустую стояли в витринах, зато за них библиотеке заплатили.

В общем, я смирился с «живодёрством» и каждый раз спускался в подвал, когда там приступали к очередному списанию. Я сказал – «спускался», потому

что уже через год работал на третьем этаже, в более просторном помещении. При советской власти, когда здание построили для Областного Дома Политпросвещения (именно так, всё с больших букв), там был туалет из трёх комнат: одна зеркальная, а в двух других – по два унитаза и по раковине. В начале Перестройки (тоже с большой буквы), когда Политпрос презрели и закрыли, в его здание вселилось музыкальное училище, по моде переименованное в колледж. Смешное время. Я его, помнится, оформил тогдашними словами: «Имидж нашего электората неадекватен его менталитету», что в переводе на русский означало – «рылом не вышли». В зеркальный зал партийного сортира вселился класс струнных инструментов, о чём табличку я потом снял с двери и храню до сих пор. Унитазы накрыли щитами и отключили от канализации, оба туалета стали использовать как кладовки. Так же их использую теперь и я. В одном из них осталась умывальная раковина с холодной водой – из-за неё мне и отвели помещение: единственная вода на этаже, а без неё – какая же переплётная мастерская. Теперь у меня квартирует уборщица, и весь этаж моет в моей раковине стаканы после трудового чая...

Я спускался в подвал и отрывал от книг титульные листы и картонные обложки. Забирал также и форзацы, а с корешков снимал капталы и слизуры, если они не были приклеены слишком крепко. Поясню для тех, кто не знает. Каптал – это два кусочка цветной ленточки, приклеенные по краям книжного блока, они украшают и защищают книгу от проникновений под корешок посторонних – ползающих, летающих, грызущих, гниющих. Слизура же – это та самая «Андрюшкина рубашка» из шутки: полоска прочной ткани, приклеенная вдоль корешка; на ней и на листе форзаца держится единство листового блока и обложки. Понятно? Если не очень, разберите книгу, как сумеете, и всё увидите. Потом несите ко мне, научу, как собрать.

Я рвал книги и, естественно, заглядывал в содержание. В начало, в конец и в середину. Из этих трёх взглядов, имея некоторый опыт, можно легко сделать вывод: стоит ли книгу выбрасывать. О своих наблюдениях я делал записи на свободных листках осиротевших форзацев. Записи короткие и требуют расшифровки. Вот этим сейчас и займусь, наконец.

Хочу напомнить только вот о чём. В самом начале своего эссе (по-французски это красивое слово означает «опыт»), я обмолвился о спасении людей, достойных уважения. Я имел в виду писателей. И тех, чьи книги у меня не поднялась рука порвать, и всех остальных. Все эти люди равно достойны уважения, так я считаю. Потому что никакую книгу нельзя писать без веры. Даже если пишешь только ради заработка, всё равно утешаешь себя тем, что люди почувствуют те добрые мысли, которые ты вложил в подтекст. Почувствуют – и станут немного лучше. Ибо нет писателя, который своим трудом не хотел бы улучшить других людей. Хотя бы некоторых. Да и себя тоже. Так я думаю. Ведь если стыд – единственное отличие человека от прочих животных, то едва ли он, ставя своё имя на книге, желает, чтобы братья по разуму сочли его скотом. Так вот, по этой причине я не назову ни одного имени. Ибо всем авторам сочувствую одинаково. Даже злодеям по жизни. Ибо, когда писали, они отрекались от злодейства самым действенным образом – добрыми побуждениями. Буду приводить только названия книг. И если они кому-то покажутся знакомыми и свяжутся в памяти

с именами каких-то писателей, не обольщайтесь: как нет среди людей ни одного лица без двойника, так и среди названий книг нет ни одного единственного. Даже если в заглавии значится, что собор именно Парижской Богоматери, легко представить, что где-то есть пагода Матери Будды, мечеть Пресвятой Марииам и прочие подобные сооружения, да не обидятся на меня верующие за такое условное сравнение. Будем добры или хотя бы снисходительны ко всем пишущим, даже если они писали в нетрезвом состоянии: каждый вдохновляется, как умеет, и уверен, что это – для общего блага.

Мир и прощение – всем пишущим. Аминь, что ли?

Я оторвал картонные обложки от нескольких тысяч книг. Все они теперь у меня в двух кладовках, сложены на полках, построенных мною над бывшими унитазами. И не просто сложены, а рассортированы по высоте и ширине обложки. Есть совсем новенькие. Многие обклеены бумвинилом и ледерином, но к таким плохо клеится бумага, приходится вырезать окно. Поэтому больше люблю просто картонные или обёрнутые коленкором. Ну, это детали, чисто переплётческие. Главная помеха – название выброшенной книги. Его с обложки не сотрёшь. На корешке надо замазывать белой краской, а на лицевой стороне обложки – заклеивать тем, что осталось от обложки ремонтируемой книги. Да ещё соблюсти хоть какую-то эстетику: обрезать или, наоборот, сохранить для шарма бахрому, подобрать обложку по цвету, а то и подогнать её по обрезанному блоку, если его затерзали до неприличного неудобства. Сегодня терзают книги по бизнесу, по деловому общению, по дизайну, даже листы выдирают. Зачитывают Сартра, Кафку, Ахматову, её мужа Николая Степаныча и сына Льва Николаича. Пушкина зачитывают – на то он и наше всё. Многих зачитывают из тех, кого я уважаю, и это приятно – совпадаю с народом в литературных пристрастиях.

Однако пора перейти к собственно записям на оторванных форзацах.

Кто-то сказал, что среди книг и среди людей не бывает лишних. Вот это и чувствую, когда отрываю обложки. Сажу в подвальном коридоре перед стеллажом, снимаю книги с верхней полки и осматриваю.

Автор, издательство, название, качество обложки. Автора не знаю, издательство областное, название – «Люди – народ интересный». Ясно: художественно-документальный сборник очерков из серии «О людях труда». Интересы для чтения не представляет: эти люди были такие же, как я, строили коммунизм, обмануты «развитым социализмом»... Когда издано?.. Сорок лет назад. Давно все поумирало. И обложка бумажная. Кладём на нижнюю полку. Забыть. Герои книги не были лишними, и сама она была нужной кому-то, но – сорок лет назад. В семьях по книжке, может быть, сохранили, да и то – если человек был хороший и сами они родство помнят...

А вот – картонная обложка, в хорошем состоянии. Толстый роман когда-то хвалимого советского писателя. Всё собирался прочесть. Хотя сейчас заглянуть в начало. «Семья не садилась за стол, ждали отца, старого литейного мастера». Ах ты ж, господи! Не был бы литейным мастером, так и ждать бы не стали?.. Хо-

рошо, что не прочёл... А вот обложечку прикажите получить. Бумвинилом покрыта, название мало места занимает, вырежем окошко, вклеим маршала Жукова, его до сих пор зачитывают... Ну, это технология. Но почему такое издавали? Ну-ка, что на титульном листе? «По социальному заказу издательства». А-а-а... Именитый автор получил заказ, под него – аванс, поехал на завод, потёрся среди сталеваров... Ну, ладно, нам и такого не написать.

По качеству склейки видно отношение типографии к издаваемой книге. Вот легонько потянул – и обложка от блока отстала. И капталчики легко отделяются. И слизура не рвётся, сама отходит, ничего на неё не налипает – ни слой картона, ни форзац. Чистенькая полоска крепкой сетчатой ткани, пригодится для повторного употребления. В сумку её. А капталы – аккуратной парочкой – вот в эту обложечку, в рядок с другими. Их потом – по отдельным коробочкам, только очистим от лоскутьев отстава, но это – потом, наверху. А блок с текстом – на нижнюю полку. Не выдержал проверки временем, как и ожидали нерадивые печатники, пожалевшие клея.

Душно в подвале, кашляется. Даже пыль мудрости вредна здоровью...

Мимо ходят занятые, тоже покашливающие, библиотекари. Кто – в хранилище, за книгами по заказу, а кто – в туалет, стакан помыть, воды набрать. Все мне сочувствуют: «Живодёрствуете?..» Отвечаю: «Увы. Но – во спасение». И улыбаемся. Из хранилища ещё пачку списанных выносят: «Куда положить? Как вам удобнее?». Встаю, принимаю книги, сам кладу на стеллаж: «Невыносимо видеть, как дамы таскают тяжести». Улыбаются, им приятно сочувствие. Наш мир, мы это ценим.

Подходит электрик, мой ровесник, устанавливает стремянку: «Не подержишь? Замену над тобой лампу, время подошло». Держу стремянку. Он, кряхтя, взбирается. Снимает плафон, и хорошо, что я как раз поднимаю голову: пластиковый короб летит мне в лицо. Выронил, чёрт старый! Привычно, как на ринге, убираю лицо, но поймать плафон нечем: держу ведь! Отбиваю его плечом, и он калечится о кафедру. Зато старик цел. Шучу, что без плафона будет светлее.

И в самом деле светлее. Но работаю всё равно в очках. В них ближняя работа для глаз как-то сподручнее. Старимся сами, но старость окружающих виднее, чем своя.

Старость – это, конечно, больше духовное состояние, чем телесное. Был у меня молодой знакомец, книжный спекулянт. При советской власти таких называли «жучками». А они себя именовали «книжниками» – от неразумения. А всего-то и было, что ездили в Новосибирск, даже в Москву и привозили с тамошних книжных развалов дефицит. Пролистывали его и сами. Тогда меня очень развеселило, что у этого парня было всего две оценки для книг. Не «полезная – бесполезная», не «будут читать – не будут читать», а «купят – не купят». Ёмко и – проще некуда. Тогда я над этим смеялся, а теперь сам такой, даже страшнее: «хорошая обложка – плохая обложка».

Самые лучшие обложки – у серии «Дружба народов». Картон, обклеенный цельным коленкором. Никаких окон вырезать не надо, старую бумажную обложку от спасаемой книги сюда можно лепить, не обрезая, прямо с бахромой. Иногда, если позволяет суть книги, сохраняю эту бахромку для шарма: вот из чего мы вытащили такую ценность! Коллеги относятся с пониманием, у них юмор вполне развитой, как у всякого пролетария.

Обложки часто совсем новые, потому что содержание этой «Дружбы народов» – весьма провинциальное. В основном – хвалы советской власти и борцам за неё на местах. Эта работа требует особой талантливости, а какого таланта заставишь такое писать...

Во! Списали новенькую полезную книгу. Точно такую же, только в хлам зачитанную, я недавно с трудом отремонтировал. Ну, дамы, вы даёте... Это, небось, ваша новая заведующая отделом, жена богатенького бизнесмена, от лишнего рвения распоряжается? Так боритесь, чего боитесь?..

Хороша серия «Пламенные революционеры», только маломерная. Тоже обложки – картон в коленкоре, да ещё по восемь картинок в каждой. Там, где художник не халтурил, попадаются очень изысканные наборы. Я их вырываю, чтобы подарить другу, Атаману. Он действительно атаман мастного казачества, даже шашку имеет, образование филологическое, высшее, здорово рисует, в одиночку воспитывает дочь-студентку, тоже художницу. Картинки собираю для неё, в качестве образцов. А отцу не пригодятся: он на хлеб зарабатывает в таксомоторном парке, баранку крутит, притом в людоедском режиме – сутки через сутки, так что самому рисовать некогда. Ничего не поделаешь, факультет у дочки – платный.

А мне этих революционеров от всей души жаль. Беззаветные были борцы, веровали в своё дело. Просто недопонимали того, что было очевидно Столыпину: «Вам нужны великие потрясения, а нам – великая Россия». Ох, где бы мы уже были, не будь потрясений. Только такая сослагательность тоже неконструктивна: что вышло, то и наше...

А что было наше, вдруг может стать не нашим. И это крайне пакостно. Вот несколько пачек советской юридической литературы. По всем направлениям, с важными, выстраданными, от прошлого царствования перенятыми подробностями, всё регламентировано. И враз отменено при так называемой «перестройке», которую некоторые даже решаются писать с большой буквы. Но сами же не стесняются жаловаться: «У нас ещё не проработаны такие-то законы». Не учи несчастные. Даже большевики, которых вы теперь так поливаете, не были по отношению к прошлому столь небрежны...

Что это меня на пафос потянуло? Так жалко чужих трудов? Кто бы мои пожалел...

Немало попадаетея книг литературоведческих. Эта наука подобна истории, такая же продажная. Поэтому книги заказных критиков стареют вместе с поли-

тическими режимами. Да и вообще их читают мало. Так что обложечки хорошие, всё картонные, с прочными корешками. Рвёшь и думаешь: «Не так хорошо живёт писатель, как его изучатели». Вон, о Высоцком или о Гоголе написано в несколько раз больше, чем они сами написали. Монографии, диссертации, звания, премии, доплаты. А самих гениев – живыми старались похоронить. Благодарные современники, полюбите нас живыми...

А этого автора я любил с детства. Одно его программное сочинение есть у меня дома... Раньше чем оторвать обложку от четвёртого тома, заглядываю в середину, насладиться нечитанным. И с ужасом вижу, что писал он НЕ ТАК! Когда-то, всего полсотни лет назад было ТАК, а теперь – СОВСЕМ НЕ ТАК. И не он один: то же самое я обнаружил и у других, когда-то хорошо читаемых. НЕ ТАК! Я и сам пишу НЕ ТАК. А вот КАК надо – не знаю...

И портреты авторов на форзацах – НЕ ТАКИЕ, манерные. В бороде, с трубкой, «с пальчиком» у щеки, «на фоне», с неудобно вывернутой шеей и со взглядом вдаль, в судьбы человечества, или куда-то вбок и вниз – от стыда, что ли... Полезные графоманы, облуга...

Кстати, графомания – законная писательская болезнь, но не всех называют графоманами.

Названия книг – особый букет. Когда начинал журналистом в молодёжной газете, меня учили: «Заголовок – дверь в материал». Газетчики – называют материалами всё, что пишут – от информашки до очерка и фельетона. От заголовка зависит, захочется ли читателю вникать в твой материал. В этом смысле на газетной полосе конкуренция проста и убедительна. Раньше прочтут корреспонденцию «Дед зарезал собственного годовалого внука», а уж потом – очерк: «За сохранность поголовья». Хотя эта сохранность гораздо продуктивнее, чем гнев на алкаша-деда.

То же – у книг. «Рябиновая гряда» – ну что это за название? Розовые слюнки. «Родимый край» – ещё краше. «Отчий край». Да идите вы к богу в рай. «На счастливых дорогах». Вы что там, сговорились? Этих «дорог» на обложках не счастье. А вот – «Честь». Да у кого она нынче есть? «Страницы жизни». Да их не меньше, чем «дорог»! Вот был в Германии Шикльгрубер, большая сволочь, а название своей книге придумал ценное – «Моя борьба». Завлекательно. Многие купились... А вот – «Чашка чая и капля дождя». Мне хотят доказать, что в капле можно разглядеть океан? Фи. «Земля у нас одна», «Люди – народ интересный», «Преступления могло не быть». Ну как такое не списать! Молодцы, дамы!

А вот – «О море!». Это подкупает. Кто бывал на море, а особенно служил на крейсере, обязательно раскроет. И что же? Дешёвая «покупка», ничего о море! Только чья-то фраза, что хорошо бы туда... Руки за это оборвать!

Так и хочется скорее залепить иное название чем-нибудь простым, понятным и нужным для дела. «Некрасов в школе», «Практическая грамматика английского языка», «Золотой осёл», «Пословицы и поговорки такого-то народа», «Вокруг света на «Коршуне»... Насчёт последней книги не шучу. Ах, как там о простых матросах...

А вообще, я бы всё же многие из этих несчастных книг отремонтировал и сохранил. Не будь у меня дома тесноты, будь кому после меня читать...

В некоторых библиотеках ставят где-нибудь в фойе стол или шкаф, выкладывают списанное и – табличку: «Берите, граждане, даром!». У нас – нигде. Мы – не простая библиотека, а всё же Политпрос, не такой уж и бывший. Присутственное место...

Вчера в хранилище мне показали около двух тысяч книг, увязанных в пачки для вывоза на свалку. Мельком увидел том А.И.Куприна. Буду сегодня разбираться. Жалко: книги целые, хоть обложки оторвать. А списавших – к стенке, на 15 суток, под дождь.

У меня в мастерской сейчас два вида первоочередных книг: бухгалтерские документы и учебники по маркетингу, т.е. по торговле. Бедное человечество...

Среди списанного попался сборник философских статей. Философия – наука наук. А наука – это объяснение непонятого с помощью неизвестного. Проявил слабость, заглянул. В одной статье мне попытались объяснить, что такое постмодернизм в литературе. Это, оказывается, просто. Раньше была «книга-дерево», которую при чтении полагалось почитать. «Иерархическая структура». Выписал на память: «Постмодерн предполагает палимпсест, центон, коллаж. Более того, естественный постмодернистский текст, отвергающий парадигму объективной реальности с её императивом радикального выбора ИЛИ-ИЛИ, а взамен учреждающий модель читательского поведения И-И-И (Дж.Эл.Дуглас, 1991), можно и нужно многообразно соотносить с самим собой. Мир стал хаосом, писали в 1976 г. Делёз и Гваттари, но книга остаётся образом мира. А поскольку постмодерн – множественность (в противоположность системности), то для характеристики постмодернистского произведения предложен (как антипод «книги-дерева») термин ботаники «ризомы»: подобный корню стебель, растущий вдоль или под землёй и производящий многочисленные корневые волоски, а также побеги. По их убеждению, истинные множественности обладают свойством ризомы, выдвинутой как модель мышления». Дальше – для большей убедительности – автор ссылается ещё на Иосифа Бродского, думавшего «сходно», и наконец переходят к главному: «Разрушение «книги-дерева» означает не смерть книги, но новый способ чтения ...когда книга становится предметом не понимания и интерпретации, а эксперимента и деконструкции (т.е. «разрушения» и «восстановления» смысла текста без выхода за его рамки)... Конструктивный гипертекст, или несеквенциальное письмо, управляемое читателем (понятие ввёл в 1960-е гг. Т.Нельсон), создаёт новый статус: читатель-как-писатель, осуществляя «стремление освободиться от авторитаризма авторства» (М.Джойс, 1991)».

Ну и хватит науки.

Всё это «новое» названо «гиперхудожественной литературой», читать которую могут только «гиперчитатели». Но особенно меня тронуло объяснение в скобках – что «деконструкция» означает «разрушение» и «восстановление». Я

вспомнил картину Петрова-Водкина «Купанье красного коня». Один современный постмодернист её «деконструировал»: срисовал другими красками, назвал «Купанье гнедого коня» и подписал своим именем.

Есть такое растение – осот. Хозяин полей. Размножается не только летающими семенами, но и горизонтальным подземным стеблем с многочисленными ростками. Та самая ризома. Если человек забросит поле или огород, то за три года осот не оставит там даже воспоминаний о культурном земледелии. И тогда на смену постмодернисту должен прийти реалист, желательно на тракторе с навесными орудиями, чтобы история повторилась, то бишь продолжилась, ибо история – это понятие чисто человеческое, а природа так же равнодушна к нему, как и к остальным человеческим понятиям.

Жизнь в природе – вечная война. Есть ли в ней план, конструктивность, система – этого человеческая наука до сих пор не знает и продолжает объяснять или отрицать непонятное с помощью неизвестного. И пытается «деконструировать». Или реконструировать. Или сконструировать заново – и получится что-нибудь давно забытое...

Ну и пусть. Будем надеяться, что природа – не глупее нас. Как говорила одна мать сынишке, впервые взявшему рубанок: «Строгай, сынок, строгай! Вернётся с работы папка – топором подправит...»

А я продолжаю рвать списанные книги. Но некоторые всё же сохраняю. Они и без титульных листов не теряют своей ценности. Как говорили древние, сапинти сат. Почему бы и нам не примазаться? Ведь моя работа, в сущности, тот же постмодернизм: разбирать одну книгу «до основанья» и строить из неё новую, в другой (часто чужой) обложке – это же почти образцовая «деконструкция»! Только вот называть это художественным творчеством – не решаюсь.

Хотя заглавие моего эссе, по моему скромному мнению, вполне тянет на постмодерн.

Пушкин писал «Онегина» для богатых современников, умеющих читать и имеющих деньги на книги, или для нас, будущих? Тут не откажешься от «или», ибо оно актуально как ключ к собственной работе. Для кого и для чего пишу? Кто не думает о БУДУЩИХ читателях, тот рискует быть забытым. Я ведь ремонтирую библиотечные книги, я вижу. Люди забывают своё прошлое не просто книгами или событиями. Забывают целыми эпохами. И снова изобретают забытое. И выдают его за новое. И получают за это награды...

Глава 2. ДЕНЬ ВРАЖЕЛЮБИЯ

Мышонок был – совершенный симпатяга. Такой мышинный подросток. Романтик, вроде пацана двенадцати лет. Любопытен, отважен и осторожен в одном лице. То есть, в одной мордашке. У взрослых физиономии бывают злые и противные, а малыш – он и есть малыш, не познавший бед. Он мир открывает.

Этот мирооткрыватель выскочил из решётки, которая полосой проходит по полу вдоль всей оконной стены. Под решёткой лежат две трубы, они зимой

были горячими и создавали перед окнами тепловой фон. А оба окна выходят на шумную от машин улицу, высотой они от пола до потолка и солнцем наполняют мою мастерскую. На это помещение несколько раз находились охотники, чтобы разместить в моих трёх комнатах какую-нибудь аудиторию или один из книжных фондов, но каждый раз директор Нина Михайловна мои права отстаивала: «В кои-то веки у нас поставлено переплётное дело!».

В обоих бывших сортирах по всем стенам теперь полки, до потолка забитые обложками от списанных книг, а унитаза под этими полками давно не видно и не слышно. Зимой у меня самое тёплое место во всей библиотеке, потому что евроокна и подветренная сторона. В общем, рай для пролетария. Но и в раю водятся мыши, бич всех библиотек. В одной из кладовок у меня стоит железная мышёбойка, «гуманный» снаряд, разящий быстрее страха. В другом – никак не доберусь – противный мышинный запах. В самом же цехе мышей до сих пор не замечалось.

А этот симпатяга, не столько меня боясь, сколько играя, выскакивает из металлической щели и прячется для начала за ножкой стола, втиснутого в оконный проём и заполненного комнатными растениями. Выглянув хитро из-за этого квадратного столба, гость пробегает вдоль ящика с индийским луком, на миг прячется за ящиком, а оттуда вразвалочку семенит к чашке с пшеницей, берёт из кучки одно зерно и тем же шагом уносит его в свою щель, хитро поглядывая на меня. Через четыре минуты поход повторяется. И плевать ему на седого старика, который сидит совсем рядом и, зажав коленями небольшой пресс, строгаёт рубанком книжный блок.

Пока зверёныш съедает под решёткой очередное зерно, я снял с гвоздя фотоаппарат, настроил на блюдце с зерном и поставил камеру на стол. Пока объект добежит до пшеницы, я успею протянуть руку и сделаю снимок воришки. Вспышку я отключил, чтоб не помешала. Она у меня всё равно запаздывает. Однако в нужный момент, как и ожидалось, руки оказались слишком заняты, а камера, не дождавшись работы, автоматически отключилась и сбила мне все настройки. Мышонок уже был за ящиком, я заспешил и забыл отключить вспышку. Жёлтая лампочка готовности напугала объект. Он всё же успел схватить своё зерно и мигом смылся. Запоздало сработала по пустому месту вспышка. Я стёр неудачный кадр и вернул аппарат на гвоздь. Некогда возиться, пора промазать блок клеем да идти в подвал и рвать Хаббарда. Только обработаю обложки, которые ещё остались от вчерашнего.

Я поставил пресс с обвязанным блоком на шкаф сушиться и начал берёзовой «косточкой» отделять от обложек дурацкие бумажные слизи с приклеенными к ним шикарными шведскими капталами. Сам-то я для слизур использую полоски от старых простыней и рубах – ткань надёжнее держит блок. Но ради таких капталов стоит потрудиться. А про обложки и говорить нечего: шикарный картон, роскошный прочный бумвинил скользит в руках – не удержишь. Такие книги так и хочется читать. А я их рву...

Сзади визжит Ирулька из техотдела. Она спустилась в своё хранилище за очередной пачкой книг, заказанных читателями, и на неё напала молниеносная мышь. Она, конечно, не напала, а просто промчалась перед Ирулькой через ко-

ридор – «вон туда, в хранилище!». Приходится утешать молодого специалиста, дескать, мышь, конечно, побежала умирать, наевшись отравленной пшеницы. Я тут же вспоминаю своего мышонка, который умирать вовсе не собирается. Но Ирულке этого знать не надо, а то ещё побоится носить ко мне учебники в ремонт.

К концу рабочего дня я поднимаюсь со своей коробкой в мастерскую. Начинаю разбирать и сортировать обложки. Мышонок больше не появляется. Неужто помер? Жалко.

А если мне жалко, то почему я позволил поставить для него эту тару с отравленной пшеницей? Или хотя бы почему не гнал его от этих зёрен? Да потому что люди, мыши, крысы и волки проживают в одной экологической нише. Свой угол в ней никто уступать не хочет. Не будем с ними бороться, они поборют нас. У меня вообще такое впечатление, что человек играет в живой природе только дестабилизирующую роль. Он в пищевой цепи – как ржавчина. У травоядных отнимает растения, у хищников отнимает травоядных – себе на котлеты, самих хищников убивает ради спорта и меха. А ради так называемой свободы убивает себе подобных...

Странный выдался день. «Просветлённый» какой-то. Но с какими-то неприятными открытиями. После такого надо что-то предпринимать для восстановления справедливости. Например, попытаться удалить человечество с изъязвленной планеты и понаблюдать, как скоро наступит экологическая гармония.

Чем, бишь, кроме нейтронной бомбы, это можно сделать?

23.05.09.

Глава 3. ЭКСКУРСИЯ

Вчера Затейница сообщила, что детей ко мне приведут, наконец. Две недели ждал, пока у них со школой состыковалось. На этот раз – семиклассники. С этими уже можно как со взрослыми. У них пацаны – почти все выше меня ростом. Вторая на моей памяти волна акселерации. Первая была до «перестройки».

Нынче слово «перестройка» – в применении к российскому обществу – принято уважительно писать с большой буквы и без кавычек. Мол, судьбоносное явление. Но у меня на уважение не поднимается рука. Ведь никто из этих уважаемых не стал бы писать с большой буквы «слом» и «разруху», э? Эти слова хоть честные, их можно писать без кавычек. А «перестройка» – слово лукавое, как военное выражение «выравнивание линии фронта» – при позорном бегстве. И как многие другие. Чем современнее, тем лукавше.

Ну, это к слову. К словам...

С экскурсиями до моего переселения было проще. Деток приводили на третий этаж главного корпуса, в солнечное помещение с окнами во всю стену. Там были длинные столы вперемешку со шкафами и пустая середина – как раз для гостей. А в нынешнем подвале у меня середина занята складом – замысловатой конструкцией, сооружённой из пяти горизонтальных дверей и самодельного

стеллажа, от пола до потолка забитых обложками. Я-то работать приспособился, хоть и стало больше беготни по квадратному проходу. А экскурсантам удобств не обещаю: придётся стоять тесно и вытягивать шеи.

За две недели и возраст экскурсантов изменили, и «экспонаты» у меня сменились несколько раз. Ну, не привыкать: гости гостями, а работа – по распорядку.

Зато я им сегодня выпишу кое-что неожиданное. Даже для меня: сам только что получил...

До полудня успел справиться и с обложками к бухгалтерским книгам, всегда внеочередным, а все три пресса загрузить «валом»: до убожества затрёпанный Набоков из абонемента, изодранное «Пособие для аккордеониста» из музыкального отдела и до совершенного непотребства доведённый Майн Рид из отдела книгохранения: аж пять толстенных оранжевых томов, памятных ещё с моего советского детства.

Успел также «сбежать стометровку» – ровно пятьдесят метров до туалета. Отмыл руки от клея и книжной грязи, пробежал обратно вторую половину дистанции, смазал растрескавшиеся пальцы растительным маслом, втёр его до сухости, доматерился по этому поводу и позвонил ХХ, чтобы сегодня на чай не приезжал: загрузили меня шибко.

Ещё оставалось время, и я порубил для отдела редких книг обрезки белого бескислотного картона. Получилось около шестисот закладок, особо ими ценимых как раз за бескислотность. На последнем резе по лестнице за стеной загрохотало множество ног, тут же распахнулась моя тяжеленная металлическая дверь, в неё – многоголосый шёпот и потепление от множества горячих тел. Обещали двадцать человек, но их, похоже, больше. Это хорошо: мой каменный пол лежит как раз на вечной мерзлоте, батарея еле греет – авось ненадолго станет у меня теплее.

Затейница уже рядом. Явно спешит: они где-то потеряли шесть минут, а после меня ещё на четвёртый этаж, в электронную библиотеку имени покойного президента Ельцина. На этот счёт как раз и сработает моя новость.

– Вот, ребята, – сообщает Затейница, – это писатель ВВ, а по совместительству – наш переплётчик.

– Здравствуйте, люди, – говорю на ходу, проталкиваясь между горячими к столу, где все экспонаты. И бормочу: – Я сначала переплётчик, а уж потом – немного писатель.

И уже у стола, с двух сторон зажатый детками, а с тыла прикрытый штабелем обложек, начинаю с неожиданности.

– Кто знает, что такое НАТО?

Все опускают глаза, а у двух сопровождающих учительниц они округляются. Немного не переплётное начало разговора. Я знаю, вам обещали тему «Оживление книг». Ну, потерпите, не зря же вам меня писателем представили.

– Это, – говорю, – вам уже надо знать. Это главные политические противники нашей страны, Северо-Атлантический военный блок. Они спят и видят, как бы нас завоевать. Про события на Украине вы, конечно, слышали?

Та же немая сцена. Бедные детки. Все каналы радио и ТВ ведь только об этом и бубнят.

– На Украине, – говорю, – с которой мы раньше были единым государством, сейчас фашисты пытаются совершить государственный переворот. Хотя кто такие фашисты – знаете?

Теперь кивают, и глаза у всех округлились, и ожидание в них, и тишина.

– Так вот, – говорю, – мне только что звонил друг. Он нашёл в интернете сообщение, что войска НАТО, поддержанные американскими танками, сегодня вошли в Западную Украину, чтобы помочь фашистам захватить власть. Про то, что американцы недавно опять завезли свои танковые войска в Германию, вы, конечно, слышали по радио позавчера?

Мотают головами. Никто ничего не понимает. Ну и хватит с них.

– Теперь, – говорю, – внимание. Я вам это рассказал не просто так. Если сведения из интернета окажутся правдой, а украинское правительство попросит у нас помощи... Так уже было в 2008-м году в Осетии, вы были ещё маленькие, тогда американцы Грузию на Осетию натравили. И братскому народу Украины мы, конечно, тоже поможем, и может произойти на этот раз такая войнушка (нервный смехок кого-то в тылу), после которой нам не понадобятся ни айфоны, ни компьютеры, ни электронные библиотеки, потому что не будет никакого электричества. И вот тогда-то вся надежда будет только на книги бумажные, а для восстановления страны после такой войны нам потребуются люди хорошо обученные. Книг будет мало, их надо будет беречь и уметь правильно восстанавливать.

Облегчение на лицах учителей, интерес – у деток, тревога – у Затеяницы. А вот не представляй меня впредь писателем...

Дальше пошла уже обычная лекция о том, что книги нельзя склеивать скотчем, и вот почему, смотрите. Книги современные изготавливаются халтурно, с бумажной слизурой, плохим клеем – вот, видите? Такую книгу надо вот так взять, прихватив форзац, вот этот, и оторвать обложку с обеих сторон. И отложить в сторону, если целая, а если потрескалась, вот так надрезать, ну и так далее – весь технологический процесс. Я говорил и показывал в обе стороны, поднимая экспонаты над головой, и они вытягивали шеи. Неужто военная опасность так проняла? Даже никто не отвлекается...

Я увлёкся предметом лекции так, что всего раз коснулся вскользь политики. Когда под руку попала толстая оранжевая книга, поднял её над головой.

– Вот до чего можно с любовью к чтению довести хорошую книгу. Это, кстати, Майн Рид. Читали уже? Почитайте, он очень интересно описал, как англичане отнимали у коренных индейцев их земли в Америке, а их самих уничтожали. Так же точно они уничтожали и наших, когда в 1918 году, после революции, высадили свои войска у нас на Кольском полуострове и на Дальнем Востоке и начали грабить и убивать...

Тут Затеяница, которая уже успела перебраться к распахнутой двери, подала голос:

– Дорогой ВВ, спасибо вам большое за содержательный разговор! Нам пора продолжить экскурсию, нас уже заждались в электронной библиотеке!

Я посетовал, что не успел показать всё, что надо, выразил надежду, что кто-нибудь из гостей займётся освоением переплётного ремесла – пособий в интернете полно, а можно за консультацией и ко мне прийти... Народ потянулся к выходу. Затеяница уже распорядилась:

– На четвёртый этаж пойдём пешком, не отставайте...

Я запер за ними дверь и в очередной раз с тревогой оглянулся на пожарный датчик, мигающий красным глазом в дальнем углу на потолке. От духоты я вспотел, а он стал мигать несколько чаще.

Как раз на днях, отработав почти год в незнании, я был до недоверия ошеломлён совершенно флотской новостью. Если в моей мастерской случится пожар, этот датчик не просто будет сигнализировать где-то на пульте, а тупо заблокирует вот эту тяжёлую железную дверь, и никаким ключом я её изнутри не открою, пока не потушу и не проветрю. Два окошка под потолком столь узки, что протиснуться в них можно лишь без одежды, бочком, забравшись предварительно на верстак. А если полна мастерская вот таких крупных детишек... В общем, борьба за выживание, как на подводной лодке с задранными отсеками, только с необученными пассажирами.

Ох, эта цивилизация...

Вот тут и пришла мысль, которую я оценил как достойную писательского мозга. Вот она.

Переплётчик, граждане, это борец против цивилизации. Поскольку цивилизация есть культура, обросшая излишествами. Например, какой-нибудь Майн Рид писал книгу пером, потом её халтурно издали, грубо читали, бескультурно – скотчем по тексту – попытались отремонтировать, превратили в пачку лохмотьев и, наконец, вручили мне, деятелю культуры, чтобы удалил вышеозначенные излишества. Надо бы заткнуть глотку пожарному датчику: всё равно ведь я один отвечаю за противопожарную безопасность в этом отсеке – вон и табличка по этому поводу на двери. Это же будет «прикольно», если она окажется моим последним в жизни чтением. А моя фамилия там искажена...

И, кстати, вот убедительный повод отменить эти экскурсии. В школах раньше были переплётные кружки, вполне посещаемые...

Размышляя таким продуктивным образом, я закинул кое-что из «наглядных пособий» в шкаф – до следующей экскурсии – достал из продуктового ящика чайные принадлежности и бутерброд, включил кипятильник и сел к компьютеру – в надежде, что найду опровержение слуха о натовской оккупации Западной Украины.

Хорошо, что ХХ сегодня не приедет. Надоело слушать его жалобы на четвертую жену.

На следующий день, разнося готовые заказы по отделам, я встретил Затейницу и спросил, не было ли в моём вчерашнем выступлении перед детками каких-нибудь оговорок или неточностей. Вопрос дежурный, всегда его так задаю, но на сей раз ждал мягкого намёка на ... И получил всё именно так, как ожидал.

– Да нет, – сказала она, – всё было хорошо, как всегда. Правда, с политикой немного перебор...

Вот тут я ей и выдал.

– А не надо было называть меня писателем. Они ведь к переплётчику шли. Вот и пришлось соответствовать.

Ответить ей было нечего, пообещала больше не хвастаться мною. И на том мерси...